

УДК 94(44).012

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-3-415-426

**РОД АПОЛЛИНАРИЕВ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ
ГАЛЛО-РИМСКОЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ФАМИЛИИ В IV–V ВВ.****THE APOLLINARIS AND SOCIOCULTURAL STRATEGIES OF GALLO-ROMAN
ARISTOCRATIC FAMILY IN THE 4TH – 5TH CENTURIES****Э.М. Манукян
E.M. Manukyan**Ивановский государственный университет,
Россия, 153025, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5Ivanovo State University,
5 Timiryazeva St., Ivanovo, 153025, Russia

E-mail: manukyan_33@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье на примере семьи Аполлинариев анализируется проблема особых социокультурных стратегий, которых придерживались представители галло-римской знати. А в частности, автор делает акцент на семейной традиции *cursus honorum*, как ключевом аспекте, по которому аристократ выстраивал конкретные векторы своей деятельности, являющиеся по своей сути продолжением достижений предков. Среди данных социокультурных стратегий в статье выделяются: высокий уровень образованности, курс на достижения в политической карьере, загородный досуг и рафинированный образ жизни, создание аристократической сети социальных связей, а также приверженность христианской религии. Примеры предков, их достижения и семейные традиции являлись одним из составных элементов в сложной архитектуре самосознания галло-римского аристократа. Автор приходит к выводу, что следование подобной логике в определенной степени являлось предпосылкой для интеграции галло-римской аристократии в кадровый состав христианской церкви.

Abstract

The present article analyzes by the example of the Apollinaris family the issue of special sociocultural strategies, to which members of Gallo-Roman aristocracy followed. In particular, the author lays emphasis on the family tradition of *cursus honorum* as a key aspect according to which an aristocrat organizes the concrete vectors of his action. These vectors are considered as continuation of the ancestors' achievements. Among these socio-cultural strategies, the article highlights: a high level of education, a course towards achievement in the political career, suburban leisure and refined way of life, the creation of aristocratic network of social ties, and a commitment to the Christian religion. Examples of ancestors, their achievements and family traditions were the one of composite elements in a complex architecture of Gallo-Roman aristocrat's self-consciousness. The author concludes that following to this logic in a way was a prerequisite for the integration of Gallo-Roman aristocracy into the cadre of the Christian Church.

Ключевые слова: Поздняя Античность, галло-римская аристократия, семья Аполлинариев, Сидоний Аполлинарий, семейная традиция, *cursus honorum*, социокультурные стратегии, интеграция аристократии в кадровый состав церкви.

Keywords: Late Antiquity, Gallo-Roman aristocracy, Apollinaris family, Sidonius Apollinaris, family tradition, *cursus honorum*, sociocultural strategies, integration of the aristocracy into the cadre of the Church.

Представим юго-восточную Галлию кануна падения Империи на Западе. В небольшое поместье Тайонак, что в окрестностях Лугдунума (совр. Лион), ставшего к тому моменту столицей Бургундского королевства, прибыл некий путник, утверждая, что он *gerulus* (разносчик писем) и везет из Рима послание для хозяина этих имений – молодого нобиля Сиаг-

рия. Если бы не одно веское обстоятельство, то это письмо, кажется, скорее отвлекло бы галло-римского магната от хозяйственных хлопот, которые обычно приходились на перемены между отдыхом под умеренными лучами аквитанского солнца, нежели вызвало неподдельный интерес – речь идет об имени отправителя. Впрочем, и его содержание не менее занимательно. Позволим же себе вместе с Сиагрием в полной мере ознакомиться с этим посланием (подчеркнуты пассажи, на которые более всего стоит обратить наше внимание):

«(1) Скажи, о, краса галльской молодежи! – Доколе, наконец, ты, занятый сельскими делами, будешь презирать дела городские? Как долго, против всякого божеского и человеческого права, земледельческие орудия будут присваивать себе некогда истертые от [постоянного] метания костей руки? Доколе тебя, земледельца патрицианского рода, будет расслаблять твой Тайонак? Доколе ты не как всадник, но словно волопас будешь хоронить в зимних пашнях трофеи густых лугов? Доколе еще ты не бросишь свою затупленную и громоздкую мотыгу среди перекопанных рядов [виноградника]?

(2) Почему ты состязаясь с Серранами и Камиллами, когда сжимаешь рукоять плуга, но пренебрегаешь желанием [носить] вышитую пальмовидными узорами тогу? Воздержись же, наконец, так крестьянствовать назло [своему] благородству! [И помни,] если ты возделываешь землю умеренно, то ты владеешь ей, если же [возделываешь] чрезмерно, то она овладевает тобой. Верни себя отцу, верни себя отечеству, верни себя верным друзьям, которые по праву находятся среди возлюбленных. В противном же случае, если тебя так прельщает жизнь диктатора Цинцинната, то сперва женись на новой Рацилии, которая запрягала бы [для тебя] волов.

(3) Но я не хочу сказать, что благоразумному мужу не следует заботиться о домашних делах, но [это следует делать] с таким расчетом, чтобы он думал не только о том, что он имеет, но и о том, кем он должен быть. Однако если Вы презираете остальные виды благородных занятий и тебе достаточно только желания улучшить хозяйственные дела, то ты можешь подумать, чтобы удалить свое имя от [всех] трабей, инкрустированных слоновой костью курульных кресел и пурпурных фаст, но этот уход обнаружит, что тебя так ревностно скрывающегося не столько должен будет чествовать цензор, сколько угнетать ценз. Будь здоров» (Sid. Apoll. ep. VIII 8)¹

Автором этого любопытного послания был Сидоний Аполлинарий (430 – ок. 490) – пожалуй, наиболее знаменитый представитель галло-римской аристократии, префект Рима (467/468), в будущем епископ провинциального галльского города Клермон (рег. Овернь) (ок. 471). Как раз незадолго до описываемых событий (467/468) он получил из рук самого августа Антемия должность *praefectus Urbi* – возможно, главный венец мечтаний любого честолюбивого нобилия помимо консульской трабеи и императорской диадемы. Возможно, именно это обстоятельство поможет объяснить нам недоумение находящегося в Риме Сидония по поводу «крестьянского» образа жизни своего друга. Ведь вполне может, что это была лишь типичная для Сидония тщеславная демонстрация собственного успеха перед пассивным соотечественником (?). Тем более, очевидно, что, по мнению Сидония, каждый аристократ непременно обязан следовать *cursus honorum*. Или все же, помимо дежурной самопрезентации, это было проявление искреннего беспокойства Сидония о судьбах аристократии? Последнее будет для нас не столь очевидным, если не обратить внимание на общую тематику подчеркнутых мной пассажей из приведенного выше послания. Как не сложно заметить, их объединяет красной нитью топос «уважения к предкам», которое бы выражалось в приумножении потомками их достижений. Сиагрий обязан это делать вдвойне, поскольку этот амбициозный путь являлся его фамильной традицией, уходящей во времена далеких предков. Когда Сидоний просит его отказаться от т. н. атрибутов власти и успеха (трабеи, пурпурные фасты, курульные кресла и т. д.), он четко дает понять своему адресату, что тот в своем нынешнем положении недостоин имени своих благородных предков, достигших всех этих званий, поскольку отказывается от их приумножения, посредством чего продолжил бы *cursus honorum*.

¹ Письма Сидония цитируются с языка оригинала по изданию: [Sidonius Apollinaris, 1936–1965].

Вполне вероятно, что использование такой темы являлось одним из инструментов в суггестии Сидония. Пример предков, их образ, история и достижения, кажется, были очень важны для аристократа позднеантичной Галлии. Не удивительно поэтому, что через несколько лет мы обнаруживаем все того же Сиagriя уже играющим активную роль в обществе бургундов, изучающим их язык и законы. Сидоний окрестит его не иначе как *novus Burgundium Solon in legibus* (Sid. Apoll. ep. V 5, 3). Таким образом, возникает логичный вопрос: действительно ли примеры предков и фамильные традиции играли такую значимую функциональную роль в жизни и самосознании представителей галло-римской аристократии? И, самое главное, могло ли это значительно отражаться на ее судьбах? И если могло, то как именно?

Тот факт, что многие вопросы, касающиеся феномена галло-римской элиты (как и церковной аристократии в Галлии) в период Поздней Римской империи (IV–V вв.), все чаще оказываются в центре внимания исследований последних лет [Drinkwater, Elton, eds. 1992; Mathisen, Shanzer, eds. 2001; Botermann, 2005; Diefenbach, Müller, eds. 2013]¹, безусловно, свидетельствует, что эта тема требует дальнейшей разработки, и многие задачи в ней еще не разрешены. В частности, т. н. проблема *conversatio* аристократии в новую религию [Cf. Brown, 1961, p. 1–11; Barnes, 1995, p. 135–147; Salzman, 2004; Barcellona, 2013, p. 1–23] наряду с последующим облачением ее представителей «из senatorской тоги в священническую мантию» [Манукян, 2015, с. 106–111] также содержит больше вопросов, нежели однозначных ответов. Если тезис о том, что обусловленное сложными реалиями V века стремление галло-римской аристократии использовать именно церковь как новую перспективную площадку для продолжения своей политической, социальной и культурной деятельности, а порой более для поддержания собственных материальных ресурсов, становилось, по сути, способом выживания ее как социального слоя [Mathisen, 1994, p. 203–220], кажется вполне очевидным, то, например, вопрос о ментальных и психологических предпосылках феномена этой интеграции до сих пор еще не разработан в достаточной мере.

Вместе с тем стоит предполагать, что галло-римские аристократы, будучи представителями патриархальной иерархической структуры с традиционалистскими настроениями, в своей деятельности могли руководствоваться примерами из истории предков, или тем, что мы сейчас называем фамильной традицией, которая с малых лет впитывалась в сознание юного аристократа. Но подобные традиции, в общем-то, не обязательно означали жесткие клише и ограничительные шаблоны, но в первую очередь – традиции, которые формировали конкретный стиль мышления и демонстрировали общие стратегии поведения.

Необходимо затронуть некоторые глубинные процессы, возможно, способные объяснить подобные радикальные изменения в судьбах аристократии Римской Галлии IV–V веков, а именно ряд факторов, посредством которых складывалось мировоззрение, самосознание и, что не в последнюю очередь, воспитание ее представителей, которые, вероятно, могли оказать серьезное влияние на ее модели поведения. Говоря короче, рассмотреть аспект определенных *социокультурных стратегий* через призму родовой памяти и фамильных традиций так называемого *cursus honorum*. Кажется, лучшим примером для исследования в плане обеспеченности источниками² для нас будет галло-римская семья Аполлинариев, а в частности – Сидоний и его известные предки. Таким образом, нам необходимо перенестись на более чем полувека в прошлое от событий, описанных в прологе, дабы коснуться жизни известных нам предков Сидония. Итальянская исследовательница рода Аполлинариев Патриция Масколи уверенно доказывает, что стратегии действий Сидония в значительной мере детерминировались теми векторами развития, которые в недавнем прошлом были намечены еще его предками [Mascoli, 2010; 2013, p. 199–214. См. также: Mascoli, 2002; 2003; 2014]. Постараемся держаться этой теории.

¹ Также назовем классический труд: Stroheker, 1948.

² Основным источником при этом является широкий корпус писем Сидония, которые помогут нам, так или иначе, восстановить данные о первых деятелях этой семьи.

Сидоний родился ок. 430 г. [PLRE II. 116] (Sid. Apoll. *ep.* VIII 6, 5) в Лугдунуме (Sid. Apoll. *carm.* XIII; *ep.* I 5, 2; I 8, 1; IV 25, 5.), в сенаторской семье христиан галло-римлян. Он был представителем той небольшой прослойки внутри галльского родового нобилитета, которую определенно можно назвать «супер-аристократией». Это была сенаторская фамилия, являющаяся образцовой для всей галльской знати, фамилия, чьи представители наследственно занимали высшие магистратуры в Галлии и были так или иначе вовлечены в бурный водоворот событий того нелегкого времени: «...поэтому я своими непрестанными заботами желал достигнуть наследственного достоинства, я, чей отец, тесть, дед, прадед блистали городскими и преторианскими префектурами, должностями при Дворце и армиях» (Sid. Apoll. *ep.* I 3), напишет однажды Сидоний своему другу Филимацию. Будучи одновременно магистратами, магнатами, а порой и епископами, такие люди имели ошутимое влияние практически на все сферы жизни галльского общества. По крайней мере, имеющиеся у нас наброски портретов родственников Сидония, а также его аристократического окружения говорят именно об этом.

Самым древним предком Сидония, сведения о котором до нас дошли, был его дед – Аполлинарий Старший (см. рис. 1)¹, родившийся, вероятно, в Лугдунуме во 2-й пол. IV в.² Его деятельность пришлась на время (кон. IV – нач. V в.), когда эхо «*Imperium Galliarum*» раскатилось по Галлии с новой силой. Впрочем, стремление галльской элиты к сепаратизму никогда и не утихало полностью. Если резюмировать выводы Дж. Дринкуотера и Ю.В. Куликовой, то можно прийти к общему заключению, что если в галльской культуре и искусстве можно лишь время от времени рассматривать признаки т. н. *Celtic renaissance*³, то своеобразный этнический характер, стремящийся к свободе и самостоятельности, однозначно присутствовал у галлов даже спустя сотни лет после романизации [Drinkwater, 1987. p. 233; Куликова, 2012. с. 206; Ешевский, 1870. с. 21]. Однако, как верно подметил С.В. Ешевский, «когда восстание Виндекса доказало невозможность разорвать связи, со времен Цезаря приковавшие Галлию к судьбам Рима, это стремление осталось в сущности тем же, приняло только другое направление. Не отделиться от империи, а управлять ею посредством императоров, избранных в Галлии...» [Ешевский, 1870. с. 21].

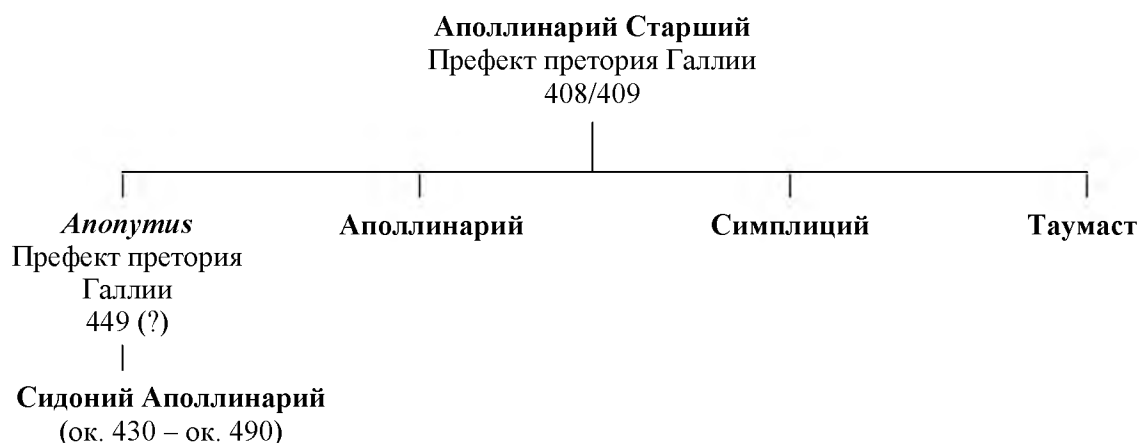

Рис. 1. Стемма известных нам предков Сидония из рода Аполлинариев

Fig. 1. Stemma of the known ancestors of Sidonius from the genus Apollinaries

Поддержка провинциями Константина III – императора-узурпатора из Британии, на время правления которого пришлись основные известные нам события из жизни

¹ Здесь далее стеммы составлены на основе *Stemma 14* [PLRE II. p. 1317].

² Р. Матизен отмечает, что Дж. Мартиндейл допустил ошибку, указывая на Овернь как вероятное место рождения Аполлинария Старшего, основываясь на выводах из Ep. 3.12. [PLRE II. p. 113; Mathisen, 1982. p. 366; Heinzelmann, 1983. S. 556].

³ Термин, вошедший в научный обиход с легкой руки А. Альфельди и Р. МакМаллена [Alfoldi, 1948–49. S. 15–16; 1935; MacMullen, 1965. p. 93–104].

Аполлинария Старшего, была как раз одним из проявлений подобного «регионализма» [Drinkwater, 1987. p. 237]¹. Переправившись в 407 г. со своей армией через Ла-Манш в северную Галлию, Константин смог установить контроль над Галлией и подчинить себе местные войсковые подразделения (Oros. *hist.* VIII 40, 6; Zos. *hist.* V 27, 2; VI 2 sq; Olymp. *hist.* 12). По всей вероятности, во многом помощь ему оказала местная галло-римская знать. Постепенно к 408 г. Константин распространяет свою власть и на запад префектуры – в испанский диоцез. В это же время интересующий нас Аполлинарий Старший назначается Константином *praefectus praetorio Galliarum* (Zos. *hist.* VI 4, 2), столица которой была, очевидно, в этот период и перенесена из Августы Треверов (Трир) в Арелат (Арль).

О конкретной деятельности Аполлинария в должности префекта претория нам известно мало, однако существует предположение, что он участвовал в первом испанском походе. В частности, Ш.-К. Фурель указывал на то, что Аполлинарий как префект претория сопровождал в этом походе сына Константина Константа [Fauriel, 1836. p. 95], что, однако, очень сомнительно [Ешевский, 1870. с. 22].

Примерно в 409 г. Аполлинарий по не совсем ясным нам причинам смещается со своего поста (Zos. *hist.* VI 13, 1)², и на его место назначается другой галльский аристократ – *magister officiorum* Децим Рустик. Возможно, что Константин руководствовался весомыми основаниями для подобных мер. В этом мнении нас укрепляет одно сообщение, брошенное Сидонием в письме к Аквилину – школьному товарищу и, между тем, внуку Децима Рустика: «[Сейчас же] я требую то, что принадлежит по наследству, и призываю свидетелями в этом настоящем деле дедов наших – Аполлинария и Рустика, которых славными узами дружбы соединило достоинство образованности, одинаковость опасностей и убеждений: непостоянство в Константине, легкомысленность в Иовине, вероломство в Геронтии – каждое [преступление] в каждом [тиране] и все эти преступления, вместе собранные в Дардане, они подвергли проклятию» (Sid. *Apoll. ep.* V 9, 1).

По всей вероятности, причиной такой ротации был назревший конфликт интересов между местной аристократией и политикой Константина, которые с течением времени перестали быть общими. Не исключено, что возмущение аристократии вызвали переговоры Константина с Гонорием, что могло сподвигнуть аристократов Галлии поддержать другую кандидатуру на роль императора [Ешевский, 1870. с. 24]. Таковой мог быть местный аристократ Иовин, поднявшийся в 411 г. из прирейнской территории не без помощи бургундов и аланов (Olymp. *hist.* 17). Впоследствии его открыто поддержит Децим Рустик, отказавшись впредь занимать сторону Константина (вслед за Аполлинарием Старшим?).

Как бы то ни было, но поражение и последующая за ним смерть Константина в 411 г., осажденного войсками военачальника Гонория Констанция (будущего Констанция III – соправителя Гонория) в Арелате (Olymp. *hist.* 16; Oros. *hist.* VIII 42, 1–3), не спасла от печальной участи Децима Рустика. Постум Дарадан, бывший префектом претория до узурпации Константина и сохранивший верность Гонорию, жестоко расправляется с изменниками. Дардан убеждает готов выдать мятежного Иовина и убивает его (*Chron. Gall. CCCCLII.* 69; Olymp. *hist.* 19). В след за этим последовала казнь и Децима Рустика.

В этом месте мы сталкиваемся с главной лакуной в биографии деда Сидония. Существует вполне логичная версия, что его постигла печальная участь своего друга и единомышленника Децима Рустика. Вот, например, что пишет историк V в. Ренат Профутур Фригерид, фрагменты исторического сочинения которого дошли до нас только через *Историю франков* Григория Турского: «В эти же дни Децимий Рустик, префект тиранов, и Агретий, который был перед этим начальником канцелярии Иовина, и *многие знатные лица* (курсив мой. – Э.М.) были схвачены в Клермоне полководцами Гонория и

¹ О галльском регионализме в контексте истории Церкви в Галлии см.: Старостин, 2014, с. 52–63. Об идее регионализма в галльской литературе: [Старостин, 2012, с. 64–73].

² При этом Зосим не знает имени нового префекта претория.

жестоким образом умерщвлены» (Greg. Turon. *hist.* II 9). Осторожное молчание Сидония по этому вопросу может только усиливать у нас такого рода подозрения¹, а недвусмысленная характеристика внука о том, что его дед был *liber sub dominantibus tyrannis* (Sid. Apoll. *ep.* III 12, 5: v. 12), вместе с тем, что мы прочли ранее из письма Аквилину, рисует нам портрет человека, зачастую, говоря мягко, открыто несогласного с политикой действующей власти. Хотя, безусловно, утверждать в точности то или обратное не представляется возможным, поскольку даже если Сидоний и не приукрасил образ своего деда, то это еще не значит, что его обязательно должна была постигнуть одинаковая с Русстиком участь.

Уважение к именам предков и прославление их заслуг – это выражение родовой памяти аристократа. Когда Сидоний жестоко высек крестьян, то ли специально, то ли по незнанию, перекапывавших размытую могилу его деда, то епископ Лугдунский Пациент, в чьей митрополии произошел инцидент, как «муж праведный и справедливый», похвалил Сидония за негодование и заявил, «что виновные в таком безрассудстве были по праву высечены согласно *обычаям предков* (курсив мой. – Э.М.)» (Sid. Apoll. *ep.* III 12, 3). Пациент, кроме того, что являлся митрополитом, был аристократической крови и искренне сочувствовал эмоциям Сидония, поэтому соблюсти законный *mos maiorum* было в данной ситуации приоритетно. Оттого совершенно права Масколи, когда говорит, что Сидоний воспринял это происшествие как нечестивую попытку стереть память о его семье, ее ценностях и традициях, материализовавшуюся в разрушенной могиле [Mascoli, 2013. p. 202]. И вполне объяснимо, что первым делом он поручил установить могильную плиту, с вырезанной на ней эпитафией, дабы увековечить память о предке.

Но, помимо этого, Сидоний исповедовал еще одну стратегию – стремление превзойти своих славных предшественников, в чем воплощалось, как он считал, уважение к их памяти и заслугам, а также ко всему благородному роду в целом, и, в конечном счете, к себе. Но эта стратегия тоже не возникла из ниоткуда и, вероятно, черпалась опять же из деяний его родовитых отцов. Хорошей иллюстрацией к этому послужит эпитафия Сидония своему деду. Она, вне сомнения, может дополнить нам образ Аполлинария Старшего из письма Аквилину и, кроме этого, пролить свет на другие моменты. Как уже было сказано, исходя из послания Секунду – племяннику (или внучатому племяннику) Сидония – эту эпитафию должны были вырезать на надгробной плите, установленной на могиле покойного после случившегося инцидента с крестьянами (Sid. Apoll. *ep.* III 12).

При этом Сидоний наставляет Секунда, что «не нужно считать, что мы, наследники третьего и четвертого порядка, уплатили [этот благочестивый долг] слишком поздно. Ведь нас учили, что лишь по истечении многих лет Великий Александр принес жертву тени Ахилла, а Юлий Цезарь совершил обряды в честь Гектора, как своего [предка]» (Sid. Apoll. *ep.* III 12, 6). Традиции аристократии живы, пока чтится память предков вне зависимости от времени. А теперь приведем текст эпитафии в билингве:

¹ Масколи предполагает, что такое молчание может обосновываться тем, что Сидоний жил под властью готов, которые внесли значительный вклад в разгром узурпаторов, опасаясь при этом обвинить готов в убийстве деда [Mascoli, 2013. p. 203–204]. Это вполне применительно для письма Аквилину, которое стоит датировать 477/78 г., но не для письма Секунду, которое включало и эпитафию, традиционно датируемую периодом т. н. «второго бездействия» – 469–70 гг., промежутком между префектурой и епископством. В то время вестготская угроза только еще начинала нависать над землями, где жил Сидоний. В конце концов, версию Масколи также исключать нельзя.

Давно уж нет ни отца моего, ни братьев его, и, пусть я внук
Недостойный, но деду вирш опоздавший сам посвящу,
Дабы в будущем ты, о, путник безвестный,
Не почтив по незнанию усопшего память,
Земли необузданной пядь не пограл.
Префект здесь лежит Аполлинарий,
Коего после благого правленья^A Галлией
Вновь обрело скорбящей родины лоно.
Форума, армии и паиен
Плодотворный знаток и рачитель^B.
И был для других он примером опасным,
Являя свободу тиранам всевластным.
Но большее достоинство^C он все же приял,
Когда первым из сонма отиов^D.
Крестом чело осенив, а члены очистив источником^E.
Нечестивые отвергнул обычаи предков^F.
Ведь необычайная добродетель и вяшая слава^G
– презойти в ожиданиях^H тех, с кем в почестях одинаков,
И в мире горнем превысить в заслугах отиов^I.
Которые в мире должном были равны по званиям.

*Serum post patruos patremque carmen
haud indignus avo nepos dicavi,
ne fors tempore postumo. viator.
ignorans reverentiam sepulti
tellurem tereres inaggeratam.
praefectus iacet hic Apollinaris
post praetoria recta^A Galliarum,
maerentis patriae sinu receptus.
consultissimus utilissimusque
ruris militiae forique cultor^B.
exemploque aliis periculoso
liber sub dominantibus tyrannis.
haec sed maxima dignitas^C probatur,
quod frontem cruce, membra fonte purgans^E
primus de numero patrum^D suorum
sacris sacrilegis renuntiavit^F.
hoc primum est decus, haec superba virtus^G.
spe praecedere^H quos honore iungas
quique hic sunt titulis pares parentes,
hos illic meritis supervenire^I.*

Вкратце остановимся на основных качествах и достижениях Аполлинария Старшего, которые Сидоний решил отразить в таком емком, но максимально выразительном жанре, как эпитафия. Литерами выделены наиболее важные в тексте пассажи, за исключением темы *liber sub dominantibus tyrannis*, о важности которой в построении портрета деда Сидония (и для Сидония тоже) мы упоминали выше.

Наш автор, в первую очередь, подчеркивает, что Аполлинарий был разумным и хорошим правителем на посту префекта (A). Фрагмент под литерой «B» предлагает нам различные варианты толкования: если с *cultor ruris* все предельно ясно, то дальше возникают вопросы. Понятно одно – продвигается метафора «возделывателя» не только поля, но и государственного поприща. А.Х.М. Джонс, например, пишет, что термин *militia* в то время мог иметь совсем разные значения – это могла быть как минимум либо государственная, либо военная служба [LRE I. p. 377–378, 507; II. p. 566]. Э. Уормингтон, продолжатель и комментатор перевода У. Андерсона, считает, что здесь подразумевается военное служение, а не государственное, при этом оппозицией ей является *forum*, что и должно ассоциироваться с государственной службой [Sidonius Apollinaris, 1936–1965. I. p. 44, n. 3 (Warmington)]. О.М. Далтон же, например, вообще буквально связывает *forum* с заслугами Аполлинария в области красноречия [Dalton, 1915. I. p. 80]. И в этом должна быть значимая доля истины, т. к. *forum* наряду с этим, безусловно, позиционирует героя эпитафии как знатока законов и успешного судебного деятеля. И, как, вероятно, стоит понимать на основе определения *utilissimus*, Аполлинарий Старший неплохо применял эти законы на практике. К тому же оба определения из «B» можно интерпретировать как способность помогать другим дельным советом (?). В любом случае это демонстрация образованности его предка, о которой Сидоний более акцентировано говорит в других пассажах своих писем: например, в послании Аквилину: «деды наши Аполлинарий и Рустик, которых славными узами дружбы соединило достоинство образованности...» (Sid. Apoll. ep. V 9, 1). Или во фрагменте из письма Секунду, где Сидоний со свойственной ему риторической скромностью критикует продукт своего поэтического творчества: «Я же со своей стороны признаю, что качество эпитафии не достойно образованности нашего праотца, но сведущая душа не отвергает поминального дара Муз» (Sid. Apoll. ep. III 12, 6). В любом случае общий мотив этой строки таков, что наш герой был всесторонне развитым и активным деятелем в делах государственных, общественных, военных, а также при этом не пренебрегал и заботой о сельском хозяйстве, что представляет по большому счету отсылку к

¹ Sid. Apoll. ep. III 12, 5: Epitaphius. В оригинале эпитафия написана т. н. «гендекасиллабом» («одинадцатисложником») или Фалекейским стихом. В русскоязычном переводе оригинальный размер не сохраняется.

классическому образу хорошего римского гражданина. Впрочем, наибольшей заслугой (*C, G*) своего деда Сидоний считает принятие им христианства и отвержение языческих культов (*E, F*). Именно тот факт, что Аполлинару Старший первым из всего рода осмелился креститься (*D*), дает возможность Сидонию говорить о его преимуществе в достижениях перед остальными предками и современниками (*H*), которые по земным титулам были равны ему¹. Это своего рода трансцендентное превосходство (*I*).

Так или иначе, но жизнь великого деда однозначно была образцом для Сидония, а его качества и достижения – ориентиром в стиле жизни и *cursus honorum*. Не удивительно, что и отец Сидония, об имени которого мы можем только гадать, также в свое время повторил успех Аполлинурия Старшего. Будучи сначала трибуном, он добился в правление Валентиниана III поста префекта претория Галлии (449). Сообщений о нем значительно меньше, но этот факт не означает, что он оказал меньшее влияние на мировоззрение своего сына. От последнего до нас дошло яркое письмо, повествующее о присутствии молодого Сидония на одной праздничной церемонии в Арелате, где его отец как префект должен был играть значимую роль. Нахождение в кругу знатных чиновников, политиков и поэтов оставило неизгладимое впечатление в памяти юного аристократа, который был горд находиться, несмотря на юный возраст, среди людей высокого статуса (*Sid. Apoll. ep. VIII 6*).

Ко всему прочему, отец Сидония преподавал сыну еще один ценный урок. Брачные союзы между высокопоставленными фамилиями – отличный инструмент для наращивания клановой мощи и авторитета. За много лет до того, как Сидоний соединится узами брака с дочерью будущего императора Эпархия Авита Папианиллой, именно его отец женится на Авите – девушке из этого влиятельного галльского рода. С отца Сидония и начался союз семьи Аполлинуриев с Авидами (см. рис. 2).

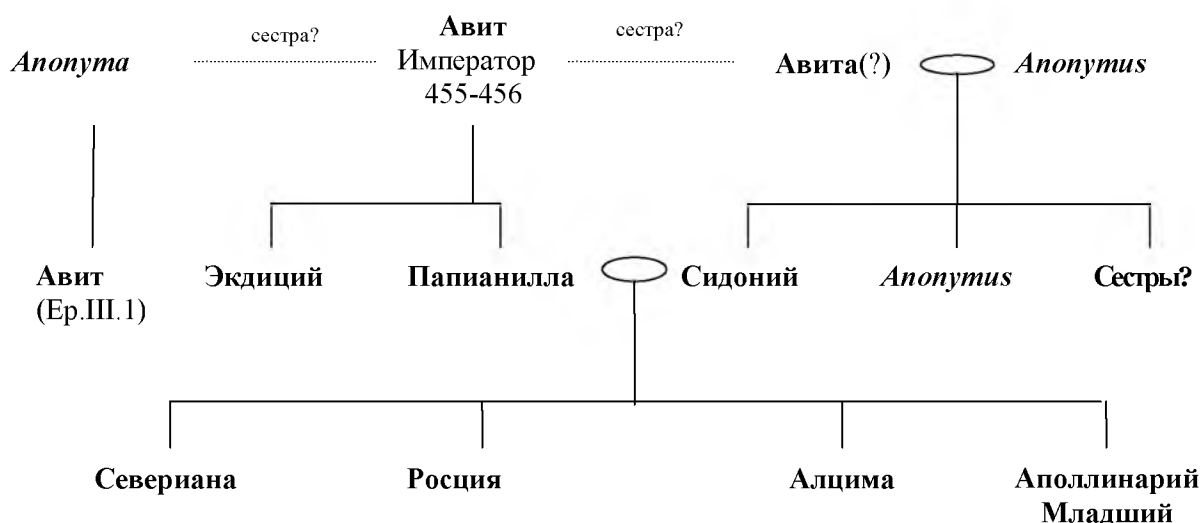

Рис. 2. Стемма союза Аполлинуриев и Авитов
Fig. 2. Stemma of the Union of Apollinaries and Avites

Как справедливо отмечает Масколи, отец с самой юности приучил Сидония к тому, что для достижения любого успеха необходимо создавать широкие сети деловых связей и родственных союзов [Mascoli, 2013. p. 206], которые бы базировались не только на общности образования, ценностей, интересов, национальности и происхождения, но и на личностных чувствах, или, если можно сказать, на эмоциональном уровне, на таких исконно римских понятиях как *amicitia* и *caritas*. Чуть раньше из послания Аквилину мы могли

¹ По всей видимости, отец Аполлинурия Старшего также был префектом претория Галлий.

убедиться в верности этого положения. Живой опыт отца окажет действенное влияние на поведенческий курс его сына.

В образах Аполлинария Старшего и его отца мы можем проследить те векторы, которые Сидоний наметит для своего развития, или, лучше сказать, увидит ту планку, которую он как наследник знаменитой аристократической фамилии, следуя семейным традициям, будет сам стремиться превзойти. Согласно этим принципам аристократ во многом и будет выстраивать собственную модель поведения. Чтить память предков следует не только добрым словом, но и делом. Если его дед был префектом претория и первым из рода принявшим крещение, то пост префекта Рима и епископский сан можно расценивать как приумножение *honores*, поднятие своей древней семьи на новый уровень. Тем самым Сидоний устанавливал новую планку для последующих потомков. Ведь не зря в концовке письма он говорит внуку Рустика Аквилину следующее: «В будущем ... в годы, которые будут стучать уже в порог старости [нашей], мы ... напитаем наших старательных детей одинаковыми [знаниями]: что хотеть, а что не хотеть, к чему стремиться, или от чего отстраняться. То будет уже предел мечтаний отцов, если в Рустике и Аполлинарии (имена их детей. – Э.М.) воспроизведутся сердца их славных прадедов настолько же, насколько и имена» (Sid. Apoll. ep. Ep. V 9, 4). Традиция называть ребенка в честь деда в римской культуре была не случайна. Это своего рода персонификация великого предка в потомке через поколение. Память об именах, достижениях и традициях предков была основополагающим компонентом той самой культурной памяти, которая сопутствовала мирозерцанию аристократии.

Между тем, жизнь Аполлинария Младшего – сына Сидония, несмотря на его раннюю кончину, также проходит в лейтмотиве семейной стратегии на превосходство предков. Определенно, Сидоний старался продвигать ее и последующим поколениям. Вспомним известный отрывок из послания жене Папианилле, где он поздравляет ее брата Экдиция¹ с получением титула патриция: «Я желаю и своим, и его детям, чтобы, подобно тому, как однажды мы, вступив в нашу фамилию, отмеченную званием префекта, благоволением Божиим сделали ее патрицианской, они, получив ее патрицианской, сделали бы ее консульской» (Sid. Apoll. ep. V 16, 4).

Наконец попробуем выделить ряд дополняющих друг друга *социокультурных стратегий*, которым Сидоний будет так или иначе следовать:

1) высокий уровень образованности – атрибут аристократа как хранителя греко-римской культуры², которая переживает не лучший век. Это база для построения литературной карьеры аристократа, которая наряду с высоким статусом представителя сенаторского рода не в последнюю очередь может влиять и на карьеру политическую³;

2) политическая карьера – на успехах в ней держится тот самый «путь почестей». Однако следует констатировать, что стремление идти этим путем зачастую будет провоцировать непостоянство действий в политическом курсе Сидония, характеризующемся метаниями между конъюнктурой, конформизмом с одной стороны, и вспышками т. н. провинциального патриотизма – с другой⁴. При всем следовании авторитетного деда Сидония *cursus honorum*, он своим личным примером из прошлого мог научить своих потомков скорее второму, нежели первому, являя собой образец верности родной Галлии и общественному благу. Хотя, напротив, именно Аполлинарий Старший впервые наглядно продемонстрировал Сидонию последствия того, если выбор падет не в сторону личных интересов или политического конформизма;

¹ Сын императора Эпархия Авита и брат жены Сидония (см. рис. 2). Считается одним из активных участников сопротивления Оверни от вестготов в 471–474 гг. В 474/75 г. получил титул патриция по приказу императора Юлия Непота [PLRE II, p. 383–384].

² О значении образованности и воспитания для галло-римской молодежи см.: [Тюленев, 2015; Тюленев, 2017].

³ О роли образованности для политической карьеры см.: [Пикин, 2015].

⁴ См. об этом: [Пикин, Манукян, 2016].

3) можно также отметить характерный для рафинированного нобилия разнообразный досуг, преимущественно проходящий за городом, на виллах аристократии, однако здесь не только прогулки верхом, бани, рыбалка, игры, и культурные застолья, но и забота о собственном хозяйстве;

4) стремление создавать крупные социальные сети посредством налаживания контактов через различные «каналы связи» – происхождение, род, национальность, образование, литературные предпочтения, политические интересы и т. д. При этом важно отметить, что именно тренд на создание социальных контактов Сидоний позже умело перенесет на церковное поприще, когда он будет создавать епископскую сеть не только через сугубо профессиональные интересы, конфессиональную принадлежность или культовую общность, но и на базе старых аристократических элементов [Манукян, 2016], поскольку его новые коллеги по епископской стезе являлись членами идентичного социального слоя и во многом были ему знакомы еще до начала его церковной карьеры.

5) наконец, сложно говорить о том, что до определенного времени Сидония сильно заботила новая религия, представителем которой он был уже в третьем поколении. Но настанет момент, и именно вектор в эту сторону даст вторую жизнь его деятельности, что, возможно, он и будет рассматривать как логическое продолжение деяний Аполлинария Старшего.

Примеры предков, их достижения и фамильные традиции являлись одним из составных элементов в сложной архитектуре самосознания галло-римского аристократа. Это был элемент, который не только закладывал основу для социокультурных стратегий в векторах его деятельности, но и формировал определенный стиль мышления и демонстрировал конкретные модели поведения аристократа. Если же возвращаться к вопросу о стратегии галло-римской аристократии на интеграцию в церковь, то, в сущности, она может также объясняться фамильной традицией *cursus honorum*. Однако, в случае предков Сидония, не как прямая причина и ее следствие, но как ментальная предпосылка. Когда аристократы столкнулись с различными угрозами современности и трудностями реализации на светском поприще, то они, благодаря уже выработанным социокультурным стратегиям, в основе которых лежала идеология *cursus honorum*, поставили цель найти абсолютно лучшее решение проблем, связанных с выживанием аристократии как целостного слоя. И это решение, нужно сказать, было довольно оригинальным и даже относительно комфортным – интеграция в кадровый состав церкви, где их приобретенные навыки (образование, социальные коммуникации) и политический опыт были весьма кстати. В случае Сидония, когда он осознал, что его политическая карьера в роли светского чиновника подошла к печальному концу и не имела дальнейших перспектив, епископский сан смог стать оптимальным «аналогом» развития карьеры. Следовательно, в семье Аполлинариев Сидоний первым добавит в «список» социокультурных стратегий стратегию на получение епископского сана, который, к слову, в будущем получит его сын.

Подводя итог, можно сказать, что социокультурные стратегии галло-римской аристократической фамилии не только в определенной степени создали ментальную предпосылку для интеграции аристократии в церковь, но и непосредственно подготовили самих аристократов к их новому амплуа.

Список литературы References

1. Григорий Турский. 1987. История франков. Пер. В.Д. Савуковой. М., Наука, 464. Grigorij Turskij. 1987 Istoriya frankov. Per. V.D. Savukovoj. M., Nauka, 464 (in Russian).
2. Ешевский С.В. 1870. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. Собр. соч. в 3-х т. М. Т. 3. Типография Грачева и Ко, 342. Eshevskij S.V. 1870. Apollinarij Sidonij: Epizod iz literaturnoj i politicheskoj istorii Gallii V v. Sobr. soch. v 3-h t. M. T. 3. Tipografiya Grachyova i Ko, 342. (in Russian)
3. Зосим. 2010. Новая история. Пер., комм., ук. Н.Н. Болгова. Белгород, Изд-во Белгородского государственного университета, 342.

Zosim. 2010. *Novaya istoriya*. Per., komm., uk. N.N. Bolgova. Belgorod, Iz-vo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 342 (in Russian).

4. Куликова Ю.В. 2012. «Галльская империя» от Постума до Тетриков. СПб., Алетея, 272.

Kulikova Yu.V. 2012. «Gall'skaya imperiya» ot Postuma do Tetrikov. SPb., Aleteiya, 272. (in Russian)

5. Манукян Э.М. 2015. «Из тоги в мантию»: об одном аспекте интеграции галло-римской аристократии в христианский клир. Классическая и византийская традиция. Материалы IX международной научной конференции. Белгород, 106–111.

Manukyan E.M. 2015. «Iz togi v mantiyu»: ob odnom aspekte integracii gallo-rimskoj aristokratii v hristianskij klir. Klassicheskaya i vizantijskaya tradiciya. Materialy IX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Belgorod, 106–111 (in Russian).

6. Манукян Э.М. 2016. Еще раз о переписке Сидония и Лупа (Вступительный комментарий к письмам VI.9 и IX. 11). *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Иваново. 8: 8–22.

Manukyan E.M. 2016. Eshche raz o perepiske Sidoniya i Lupa (Vstupitel'nyj kommentarij k pis'mam VI.9 i IX. 11). *Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya*. Ivanovo. 8: 8–22 (in Russian).

7. Олимпиодор. 1956. История (в записях и выборках Фотия). Пер. Е.Ч. Скржинской. *Византийский временник*. 8 (33): 223–277.

Olimpiodor. 1956. *Istoriya (v zapisyah i vyborkah Fotiya)*. Per. E.Ch. Skrzhinskoj. *Vizantijskij vremennik*. 8 (33): 223–277. (in Russian)

8. Павел Орозий. 2009. История против язычников. Пер. с лат. В.М. Тюленева. СПб., Изд-во Олега Абышко, 544.

Pavel Orozij. 2009. *Istoriya protiv yazychnikov*. Per. s lat. V.M. Tyuleneva. SPb., Izd-vo Olega Abyshko, 544. (in Russian)

9. Пикин А.В. 2015. Римские интеллектуалы середины – конца V века на службе варваров: сохраняя традиции внешнеполитического общения. *Интеллигенция и мир*. 4: 108–119.

Pikin A.V. 2015. *Rimskie intellektualy serediny – konca V veka na sluzhbe varvarov: sohranyaya tradicii vneshnepoliticheskogo obshcheniya*. *Intelligenciya i mir*. 4: 108–119. (in Russian)

10. Пикин А.В., Манукян Э.М. 2016. Римско-готские переговоры 474–475 гг. глазами Эннодия и Сидония Аполлинария. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 4: 74–81.

Pikin A.V., Manukyan E.M. 2016. *Rimsko-gotskie peregovory 474–475 gg. glazami Ennodiya i Sidoniya Apollinariya*. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 4: 74–81. (in Russian)

11. Старостин Д.Н. 2012. Проблема регионального самосознания в «Истории» Григория Турского. *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. СПб., 9: 64–73.

Starostin D.N. 2012. *Problema regional'nogo samosoznaniya v «Istorii» Grigoriya Turskogo. Problemy social'noj istorii i kul'tury Srednih vekov i rannego Novogo vremeni*. SPb., 9: 64–73. (in Russian)

12. Старостин Д.Н. 2014. Регионализм и идея единства империи в истории галльской церкви III–VI вв. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. История*. 4: 52–63.

Starostin D.N. 2014. *Regionalizm i ideya edinstva imperii v istorii gall'skoj cerkvi III–VI vv. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Istoriya*. 4: 52–63. (in Russian)

13. Тюленев В.М. 2015. Идеи образования и воспитания в сочинениях Эннодия. *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Иваново. 7: 29–46.

Tyulenev V.M. 2015. *Idei obrazovaniya i vospitaniya v sochineniyah Ennodiya. Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya*. Ivanovo. 7: 29–46. (in Russian)

14. Тюленев В.М. 2017. Христианская педагогика на латинском Западе V века: от проповеди к церковной школе. *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Иваново. 9: 41–53.

Tyulenev V.M. 2017. *Hristianskaya pedagogiya na latinskom Zapade V veka: ot propovedi k cerkovnoj shkole. Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya*. Ivanovo. 9: 41–53. (in Russian)

15. Alföldi A. 1948-49. Rhein und Donau in der Romerzeit. *Jahresbericht Pro Vindonissa*, 15–16.

16. Alföldi A. 1935. Ein spätrömisches Schildzeichen keltischer oder germanischer Herkunft. *Germania* 19: 324–328.

17. Barcellona R. 2013. La “conversione” della cultura: una trasformazione tardoantica. *Chaos e Kosmos XIV*: 1–23.
18. Barnes T.D. 1995. Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy. *Journal of Roman Studies*. Vol. 85: 135–147.
19. Botermann H. 2005. *Wie aus Galliern Römer wurden. Leben im Römischen Reich*. Klett-Cotta, Stuttgart, 474.
20. Brown P. 1961. Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy. *Journal of Roman Studies*. Vol. 51: 1–11.
21. Dalton O.M. 1915. *The Letters of Sidonius*, translated, with introduction and notes by Ormonde M. Dalton. 2 vols., Oxford, 278; 269.
22. Diefenbach S., Müller G. M., eds. 2013. *Gallien in Spätantike und Frühmittelalter. Kulturgeschichte einer Region*. De Gruyter, Berlin; Boston, 492.
23. Drinkwater J.F. 1987. *The Gallic Empire: Separatism and Continuity in the North-western Provinces of the Roman Empire*. Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 276.
24. Drinkwater J., Elton. H., eds. 1992. *Fifth-Century Gaul. A Crisis of Identity?* Cambridge University Press, Cambridge, 400.
25. *Chronica Gallica CCCCLII*. 1892. *Monumenta Germaniae Historica. Auct. antiq. Tomus IX*. Berolinus, apud Weidmannos, 615–666.
26. Fauriel C.-C. 1836. *Histoire de la Gaule Meridionale*. Paris. T. 1: 530.
27. Heinzelmann M. 1983. *Gallische Prosopographie (260–527)*. Francia – Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Bd. 10. München, 531–718.
28. Jones A.H.M. 1964. *The Later Roman Empire*. Oxford, Blackwell, 294.
29. MacMullen R. 1965. The Celtic Renaissance. *Historia*. 1: 93–104.
30. Martindale J. R., ed. 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. vol. II. A.D. 395 – 527. Cambridge, Cambridge University Press, 1343.
31. Mascoli P. 2010. *Gli Apollinari. Per la storia di una famiglia tardoantica*. Bari, Edipuglia, 162.
32. Mascoli P. 2013. *Gli Apollinari: una famiglia dell’aristocrazia Galloromana*. *Classica et Christiana*, 8/1: 199–214.
33. Mascoli P. 2002. Un nobile galloromano: Apollinare il Vecchio. *Annali della facoltà di lettere e filosofia. università degli studi di Bari (AFLB)*. 45: 3–16.
34. Mascoli P. 2003. *Gli ultimi difensori della civiltà galloromana: il padre di Sidonio Apollinare e i suoi contemporanei*. *AFLB*. 46: 297–308.
35. Mascoli P. 2014. *Multum est quod debemus et matribus: le donne della famiglia degli Apollinari*. *Classica et Christiana*. 9: 175–183.
36. Mathisen R. 1982. PLRE II: Suggested Addenda and Corrigenda. *Historia* 31: 364–386.
37. Mathisen R.W. 1994. The Ideology of Monastic and Aristocratic Community in Late Antique Gaul. *POLIS*. 6: 203–220.
38. Mathisen R.W., Shanzer D., eds. 2001. *Society and Culture in Late Antique Gaul. Revisiting the Sources*. Ashgate, Aldershot u. a., 328.
39. Salzman M.R. 2004. *The Making of a Christian Aristocracy: Social and Religious Change in the Western Roman Empire*. Cambridge MA: Harvard University Press, 369.
40. *Sidonius Apollinaris*. 1936–1965. *Poems and Letters*, with an English translation by William B. Anderson, finished by W.H. Semple and E.H. Warmington, 2 vols., Loeb, Cambridge, Mass., 576; 672.
41. Stroheker K. F. 1948. *Der senatorische Adel im spätantiken Gallien*. Tübingen. Wissenschaftliche Buchges, 234.